

6 КРУГОЗОР 73

ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ
ЖИТЬЕ

ОГНЕННЫЙ ВЫПУСК

Почти в каждой семье хранятся снимки выпускников средней школы: угловатые еще подростки, девочки и мальчики глядят, не мигая, в фотообъектив... От этих фотографий не требовалось особой художественности. Они берут за душу другим: на них запечатлены твои товарищи самой счастливой, школьной поры. Даже надпись в углу карточки читается сегодня по-особому, если рядом с числом и месяцем выпуска проставлен год-1941-й.

Достаньте из старых альбомов снимки своих матерей, отцов, старших братьев, сестер. Всмотритесь в их лица. Как сложились жизни тех мальчишек и девочек?

В предвоенные годы я жил рядом с Зачатьевским монастырем. Во дворе его, за каменными стенами, выросло новое здание школы. Шумен был бывший монастырский двор особенно весной. Он наполнялся молодыми голосами. И я помню, как этот двор внезапно притих в июне 41-го.

По вечерам Москва погружалась во тьму. Большие, обычно освещенные окна школы будто ослепли. После июня 41-го не было уже торжественных выпускных вечеров. Мальчишки и девочки получали аттестаты зрелости и, забросив на плечи вещмешки, уходили на фронт...

Продолжение на 8-й стр.

Афиши
«Мистерии-буфф»
(1918 г.)
и
«Клопа»
(1929 г.);
Маяковский
и
Луначарский
(1918 г.).

Окружной самодеятельный театр Красной Армии (сокращенно ОСТКА) в чистом, уютном зале мест на 250, оборудованном в доме 53 по Арбату, — в нем после женитьбы жил А. С. Пушкин, чего мы тогда не знали, — показал первое свое представление в Москве: комедию Якова Княжнина «Сбитенщик».

Весной 1921 г. актеров, свободных от репетиций «Сбитенщика», начали вызывать в театр «РСФСР-Первый», где они должны были играть «закабаленные вещи» в спектакле «Мистерия-буфф». Возвращаясь к себе в общежитие, они горланили: «Вы нас собрали, добыли, лили, а нас забрали, закабалили...» Когда их останавливали расспросами товарищи, не занятые в «закабаленных вещах», они, уже в прозаической форме, рассказывали о Маяковском, о том, как он учит читать свои стихи, о режиссерах, готовящих «Мистерия-буфф».

Спектакль произвел на всех нас, «самодельщиков», огромное впечатление своей заразной бодростью, издевкой над чертами, над адом, над раем, над чистыми и нечистыми. Все было необычно, все было ново: и ритмы стиха и ритмы спектакля. Если другие театры показывали уцелевшие от прошлого достижения, то этот театр впервые показал новое.

Это была как бы первая встреча с живым Маяковским. А познакомились мы с ним в 1929 году, когда я был уже актером театра Всеволода Мейерхольда.

МАЯКОВСКИЙ

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

В этот театр Маяковский принес свою «феерическую» комедию «Клоп» и блистательно прочитал ее труппе. Начались репетиции. Молодые Куркрынники оформляли первую часть спектакля, а Родченко — «фантастическую часть». Композитором был юный Шостакович, исполнители — молодая труппа театра и студенты школы.

Своеобразие пьесы, ее интонационное богатство диктовали решение ролей в манере автора, и Мейерхольд поручил все речевые репетиции вести Маяковскому. Таким образом Маяковский оказался и сопостановщиком спектакля. Он точно интонировал произносимый текст, и в этом уже заключалась характеристика образа. Вот, например, как Маяковский читал монолог Розалии Павловны Ренессанс. Обратите внимание на установку ударений:

«Товарищи и мусью, кушайте, пожалуйста. Где вы найдете таких свиной. Я купила этот окорок на случай войны или с Грецией, или с Польшей. Но войны еще нет, а ветчина уже портится, кушайте, мусью...»

Маяковский вникал во все детали постановки «Клопа». Иногда почти в одиночестве заменял массовку: при бедности театра приглашать участников массовых сцен можно было только на генеральные репетиции.

Я внимательно следил за работой над «Клопом», хотя и не был участником спектакля. В это время я репетировал одну из главных ролей в параллельной постановке по трагедии И. Сельвинского «Командарм-2». Вокруг пьесы Сельвинского было

много разговоров. У актера Шульмана сохранилась стенограмма ее первого обсуждения. И поскольку в нем принимал участие Маяковский, я ее приведу.

Первым попросил слова народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. Отметив глубокое философское содержание трагедии Сельвинского, ее великолепные, поражающие воображение стихи, Луначарский сказал, что, к сожалению, в основе своей она недраматургична. Ее недраматургичность, ее неспичничность, по его мнению, заключалась в том, что зритель в зале просто не сможет понять, не будет в состоянии переварить все многочисленные, чисто философские проблемы, поставленные автором.

После выступления Луначарского наступила напряженная тишина. Эту томительную паузу нарушил Маяковский, попросив слова.

— А ведь это парадоксально сегодня прозвучало — «трагедия» Сельвинского, — сказал он. — Это действительно трагедия и, к сожалению, не одного Сельвинского. Я хорошо представляю его состояние сейчас, когда говорят, что вы, мол, Сельвинский, настолько талантливы и так блестяще написали свою пьесу, что поставить ее никак нельзя, так как, упаси господь, эту пьесу не поймут наши рабочие и крестьяне... А «Капитал» Маркса, а Энгельса? Ну, пусть не Маркса, не Энгельса, а Шекспира рабочие и крестьяне сегодня понимают? Так что же? Давайте и Шекспира запретим! Я считаю, —

басил Маяковский, — такую позицию неправильной, обидной для художника и, если хотите, обидной для рабочих и крестьян. И прошу извинить меня, уважаемый Анатолий Васильевич, но сегодняшнее ваше выступление напоминает мне случай из дореволюционного прошлого, когда в городе Херсоне впервые появился автомобиль, и губернатор издал приказ: «Автомобиль в город не пущать, пока лошади к нему не выкинут...»

Когда Маяковский закончил выступление, зал буквально грохнул. Мы увидели, как Луначарский поднялся с места и стал пробираться к Маяковскому, на ходу аплодируя ему.

Пьеса была принята. Маяковский заходил на репетиции «Командарма-2» и бубнил себе под нос поправившиеся ему стихи Сельвинского. Чтобы во всеуслышание наслаждаться творчеством другого поэта, надо было быть еще и Маяковским. Для него не было «чужой» поэзии, «чужой» литературы. Они были его кровной заботой.

Премьера «Клопа» в театре В. Мейерхольда состоялась 13 февраля 1929 г. и имела огромный успех у зрителя.

...Пришло время, когда и я включился в работу над стихами и прозой Маяковского.

Эраст ГАРИН, народный артист РСФСР

На четвертой звуковой странице Эраст Гарин читает Маяковского: из «феерической» комедии «Клоп», из композиций «Париж» и «Я сам».

ПЯТИЛЕТКА:
ГОДЫ И
МИНУТЫ

ЛЕНИНГРАД

Самые хорошие планы не будут выполнены, если те, кто трудится у станков или в поле, на животноводческой ферме, в научно-исследовательском институте или в сфере услуг, не вложат в дело частицу своего сердца, своей души. Энергия высокоорганизованного труда, помноженная на любовь к своей стране, социалистической Родине, способна творить чудеса. Так было у нас в годы первых пятилеток, в годы Великой Отечественной войны, в годы послевоенного восстановления и мирного строительства, в годы, полные героизма и трудового энтузиазма масс.

*Л. И. БРЕЖНЕВ. Из доклада «О пятидесятилетии
Союза Советских Социалистических Республик»*

По каким законам рождается дружба? Как возникает то, что называют чудом человеческой общности?..

Они росли в разных городах и в разное время. Ивану Антоновичу Бакланову пришлось воевать, служба Володи Горелова была более короткой и мирной. Но после армии их дороги стали походить одна на другую: оба пошли в станкостроение — Иван Антонович в пятидесятом, Володя двенадцатью годами позднее; оба стали фрезеровщиками и получили «аттестаты зрелости» в вечерней школе; у обоих партийный стаж почти равен рабочему. Но сошлись их дороги лишь в октябре 72-го года, когда Иван Антонович приехал в Ленинград, чтобы участвовать в подведении итогов соревнования двух станкостроительных заводов — мелитопольского и ленинградского.

Ближе к концу командировки зашел Иван Бакланов, ведомый любопытством, в механический цех: цифры цифрами, а надо же увидеть коллег и в деле.

На миг ему показалось, что он и не уезжал из Мелитополя. так все было знакомо. Солнце выкладывало в пролетах рваные пятна, звенел металл, касаясь металла, фреза выгрызала в отливке голубую бороздку, и склонялся к станку, сдвинув на лоб защитные очки, светлоголовый парень в комбинезоне. Станок был чистенький, и вокруг порядок, и это понравилось Бакланову: «Видали кабину космонавта? Ничего лишнего — и все под рукой. Это же самый доступный резерв повышения производительности труда: чтобы ничего лишнего — и все под рукой!»

Володя Горелов, когда называл себя, протянул руку, вывернув ее локтем вперед, чтобы не запачкать гостя. А Бакланов с удовольствием пожал ему ладонь.

ЖИЛИ ДВА ДРУГА

7.6
миллион
человек
в РСФСР

— Так сколько ты, говоришь, в фрезеровщиках?..

Через час они встретились в завкоме, посидели вместе с председателем Конюховым над текстом двустороннего договора — об их личном вкладе в третий, решающий год девятой пятилетки. Одним из пунктов поставили: встречаться, переписываться; придумал новшество — не торопись в БРИЗ, запечатый чертежик в конверт и отошли сперва другу, пусть освоит, проверит...

На работу они ходят пешком, презируя переполненный по утреннему часу автобус, — это у них тоже общее. У Володи — две комнаты, с соседями, завод обещает отдельное жилье: скоро у них с Тамарой прибавление. У Ивана Антоновича дом, который сам он и поставил, солидный дом. «на вырост»: дети уже большие, самостоятельные — дочь Лена в педагогическом институте, сын Юрий поступил в тот же техникум, где Бакланов-старший кончает четвертый курс, оба механиками будут. Собственный садик — пять абрикосовых деревьев, знаменитые мелитопольские черешни, груша и яблоня, длинная беседка с виноградом «Лилия». Будет где разместиться Володе с семьей, где отдохнуть, если надумают ленинградцы летом приехать. И до Азовского моря — там база заводская — машиной можно добраться всего за час, дорога хорошая, асфальт настелили.

Все это Иван Антонович обрисовал Володе Горелову, когда был у него в последний раз, в конце марта, в Ленинграде.

И еще добавил:

— Забавная штука — дружба, а? Вроде в школе вместе не учились, футбол не гоняли, вообще в разных концах страны живем, а начнут погоду по телевизору передавать — волнуясь: как там у Володи, в Ленинграде?

Хоть бы, думаю, солнышко там было! Когда погода стоит хорошая, и на душе светлее, и работается лучше, веселее...

Им не нужно было долго искать общий язык, подбирать удобную для разговоров тему. Они стали друзьями, потому что есть у них одно дело, потому что они одинаково смотрят на жизнь, потому что в строю солдат пятилетки они стоят на одном фланге.

Б. ВАХНЮК,

специальный корреспондент «Кругозора»

В песне-репортаже на второй звуковой странице рассказывается о дружбе и соперничестве мелитопольского и ленинградского рабочих-станочников Ивана Бакланова (справа) и Владимира Горелова. Фото Л. Лазарева

МЕЛИТОПОЛЬ

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

«...Я отдал всего себя нашей революционной, сначала с.-д. (социал-демократической), потом Коммунистической партии и трем революциям, в которых я принимал живейшее участие. В борьбе за честь, и славу, и радость моей великой Родины я готов всегда и сейчас отдать мою седую голову на восьмидесятом году моей счастливой и радостной жизни». Так писал, итожа пройденный путь, член партии с 1895 года Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

Отмечая 70-летие II съезда РСДРП, положившего начало партии нового типа, партии большевиков, мы с особенно теплым чувством вспоминаем первое поколение партийцев — соратников В. И. Ленина. Одним из них был В. Д. Бонч-Бруевич, которому в этом году исполнилось бы сто лет.

С юношеских лет он страстно искал свой путь в революцию. 1895 год. Из письма В. Д. Бонч-

счастье быть коммунистом

Бруевича его будущей жене В. М. Величкиной: «Вне организации нет действительной пользы, а только есть компромиссы, паллиативы, филантропия... Я дал себе слово, что вся моя жизнь, все будущее мое существование должно быть посвящено только одному: организации борьбы против тьмы».

Этой клятве своей молодости Бонч-Бруевич оставался верен всегда. Он был революционером «без страха и упрека», неколебимым ленинцем.

Владимир Дмитриевич деятельно сотрудничал в «Искре», а затем был одним из организаторов различных большевистских изданий. Организаторской работе он отдавался с упоени-

ем. Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что Бонч-Бруевич «непрерывно сиял, строил грандиозные планы, возился с типографией».

В годы подполья ему было поручено сложнейшее дело: руководство заграничной партийной техникой, экспедицией Центрального Комитета, конспиративными связями. В январе 1905 года Бонч-Бруевич совершил нелегальную поездку по России с целью установления связей с партийными комитетами многих городов и губерний страны. Осенью того же года он вновь обвел вокруг пальца охранку, доставив из-за границы в Петербург большую партию взрывчатки.

Владимир Дмитриевич был в гуще революционных событий 1905 и 1917 годов, организуя прежде всего издание большевистских газет и литературы. После победы Октября наряду с работой управляющего делами Совнаркома он выполнял и другие ответственные задания партии. В ноябре 1917 года возглавлял Петроградский комитет по борьбе с преступностью, контрреволюцией и саботажем, в начале 1918 года создавал отряды рабочей Красной гвардии, был одним из организаторов подавления левозсеровского мятежа.

И этот вечно занятый по горло человек ухитрился еще вести научную работу. В последние десятилетия жизни он посвящал науке уже большую часть своего времени и сил, многое сделав для развития истории литературы, этнографии и научного атеизма. Своим долгом старого партийца он считал также описание важнейших событий, участником которых был, и охотно откликался на просьбы выступить с воспоминаниями.

В архивах сохранилось несколько звуковых записей — воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. Большинство из них — о В. И. Ленине. «На мою долю выпало великое счастье, — писал Владимир Дмитриевич, — многие годы работать рядом с Владимиром Ильичем Лениным... Мне хочется подробно рассказать нашей замечательной молодой смене о жизни В. И. Ленина, потому что нет для нашей молодежи более великого и прекрасного образца, по которому она должна учиться строить свою жизнь».

Юлий СЕМЕНОВ

В «Звуковую книгу о В. И. Ленине». Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича — на первой звуковой странице.

На фото: В. И. Ленин и В. Д. Бонч-Бруевич. 1918 г.; В. Д. Бонч-Бруевич. 1955 г.

Константин ВАНШЕНКИН

ВЕЧЕРОМ

Воспользовавшись общим разговором,
Я выхожу из дома и смотрю
На гаснущую за вечерним бором
Холодную и мрачную зарю.

Так в грудь вобрать побольше кислорода
Стремятся, пересилив дурноту.
Так две затяжки сделать косороту
Выходят, коль терпеть неумогут.

Но мне-то, для чего мне нужно это:
Пиджак набросив на плечи, стоять?
Заря потухнет меж стволами где-то.
И темнота низвергнется опять.

Над росами померкнувшего сада
Поблескивают слабо провода.
Души необъяснимая улада.
Таинственная жизни правота.

ОХОТНИК

Уверенный в своих правах,
Охвачен сладостным порывом,
Охотничек на островах
Гуляет по дубовым гривам.

Себя не числит чудачком,
Забыв о койке и о стройке.
Собака ходит челноком
И замирает в прочной стойке.

Его мгновенной дрожью бьет.
А хитрый вальдшнеп рвется боком.
Тогда он птицу рушит влет,
Сам словно в обмороке глубоко.

А с неба льется благодать.
Такая синь над островами,
Что невозможно передать
Все это бедными словами.

Такая рыжая листва
В какой-то ласковой печали.
Собака старая резва,
И все как будто лишь вначале.

Со смыслом или наобум
Они по гривам бродят парой.
И, словно дальней жизни шум,
Для них листвы шуршанье палой.

МОЛОДОСТЬ

Возвращалась поздно, не одна.
Расставались на лужайке плоской
И потом смотрела из окна,
Как он удалялся с папироской.

А спустя мгновение спала
И во сне, зардевшаяся малость,
Убирала чашки со стола
И куда-то переодевалась.

На рассвете пели соловьи.
В комнате заметно холодало.
Руки обнаженные свои
Прятала она под одеяло.

Сновиденья путая и явь,
Выгибая заспанное тело,
Улыбалась тихо, будто вплавь
Озеро ночное одолела.

Свет ломился в просеку окна,
Притеняя крашенные рамы.
На предплечье вмятины от сна —
Ночи кратковременные шрамы.

В КРЫМУ

Час после спада жары.
Срок между светом и мраком.
Тень от огромной горы
Предупреждающим знаком.
Груз напряженья несем,
Даже устали колени.
Вздых облегченья во всем.
Дань позволительной лени.
Гальки шуршанье в тиши.
Зелень соленой пучины.
Миг расслабленья души
Без объяснимой причины.
Сумерки в горы вползли,
Ткется туманная пряжа.
Лишь золотится вдали
Лежище женского пляжа.

В ПОЛЯХ

В полях осенних смерть-старуха
Бредет с косой или клюкой.
А роща кладбища сторуко
Грозит, чернея за рекой.
Неужто к нам она причастна?
При этой мысли всякий раз
Мы сознаем, что жизнь прекрасна
И часто баловала нас.
Не девочка, что лишь невинна,
Не девушка, что лишь робка.
Жизнь — женщина и, как рябина,
Сладка бывает и горька.
Неужто — спросим временами —
Среди обычной кутерьмы
Она стареет вместе с нами,
Хотя и медленней, чем мы?..

ТЕБЕ, ВОИН

«МОЙ АДРЕС — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

(Д. Тухманов, В. Харитонов)

«ЭКИПАЖ — ОДНА СЕМЬЯ»

(В. Плещак, Ю. Погорель-

ский). Исполняет

ансамбль

«Самоцветы»

Лионский
петрушка —
Гиньоль...

Два высоких холма возвышаются над Лионом, смотрят друг на друга. Фурьер и Круа-Русс. Первый еще до нашей эры дал жизнь городу (здесь был римский аванпост). Второй одевал его. Первый — Фурьер — что значит «Старый форум» — увенчан тяжелым, крепостного вида собором. Другой получил прозвище от рыжего каменного креста на дороге и весь в уступах домов, которые тяжело взбираются вверх.

Улицы тут по большей части зовут подъемами. Подъем Большой Стороны, подъем Святого Себастьяна, подъем Излучины.

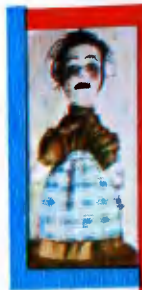
Поколения ткачей, по-здешнему — «каню» (от «каннетт» — шпулька), в течение трех веков поднимались на Круа-Русс — свою шелковую, бархатную, сатиновую голгофу. В ее горькой летописи 30-х годов прошлого века отчеркнем слова ткача Комиссэра, сказанные им сыну Себастьяну: «Вот тебе сучарь. Больше ничего нет. Ешь медленно».

Спуск с голгофы означал беспорядок, возмущение, бунт, восстание. До наших дней сохранилась сорванная с дерева записка: «Объявление. Рабочим, делающим ленты. Господа, коллеги просят вас прийти на площадь в Круа-Русс в полдень восьмого октября по делу, которое касается всех». Через полтора месяца они бросили работу, остановив машины Жаккарда — маленькие эшафоты из твердого дерева, где человек почти висит с пропущенными под руки толстыми петлями, чтобы не сдал позвоночник. И тогда это было не музейным производством, как в наше время, а пятнадцать часов труда за полфранка в день — цена буханки хлеба.

В Лионе мне сказали: «Если хотите почувствовать гнев тех людей, постоите у «Зеленщицы» Давида в нашей галерее». Но Давид писал не зеленщицу, а Революцию. Он писал лицо Республики. В то время ее уже основательно забыли, но быстро вспомнили. Восстание вспыхнуло 21 ноября 1831 года. Утром каню начали спускаться в город, чтобы там, у префектуры, предъявить свои права. Они шли так, как сегодня во Франции идут демонстранты, — взявшись за руки. Перед тем, как раздался залп гвардейцев, они пели: «Вперед, против пушек и батальонов — к победе!» И через два дня боев королевские батальоны уступили, покинув Лион. Это была временная, потом жестоко подавленная, но все же первая победа рабочего класса, воцарившегося в огромном европейском городе.

Лион славился праздниками со времен древних жертвоприношений. Тогда в Соне топили быков. Теперь по реке пустили лодки с факелами и в воду бросали другое — мешки с деньгами, конфискованными у фабрикантов. Ведь это были чужие деньги. Так поступали изголодавшиеся каню. Они были беззаботны, думали сперва, что все обойдется. Они танцевали ригодон и пели песню о ткаче Жероме, который мечтал

...его подруга
Мадлон...

По просьбам читателей

2

ИЗ ПЕСЕННОЙ ЛЕТОПИСИ РАБОЧЕГО КЛАССА

ОДНАЖДЫ ЛИОНСКИЕ ТКАЧИ...

угостить свою невесту салатом и показать ей лионское чудо из чудес — Гиньоль — кукольный театр. Гиньоль-то и сохранил нам мелодии старого Лиона. Лионцы, гордящиеся земляками — Ампером, Сент-Экзюпери и мэром Эдуардом Эррио, обычно сухо цедят, что музыка обошла их город стороной. Они забывают о песне и редко вспоминают выросшего на Круа-Русс Пьера Дюпона — поэта и певца рабочей бедноты, автора «Песни о шелке». Неукротимые каню не раз ходили в атаку. После 1831 года они поднялись в 1834-м, поддержали революцию 1848-го, а чуть раньше, в 1844-м, подали руку восставшим силезским братьям.

...Жандарм...

И вот одиссея песни, обрамляющей нашу пластинку. Через месяц после событий в Силезии Генрих Гейне написал своих «Силезских ткачей»: «Челнок летит, станку невмочь, мы ткem усердно и день и ночь, Германии старой саван мы ткem...» Маркс потом отозвался: «...Вспомните песню ткачей, этот смелый боевой клич, где... пролетариат резко, ясно, беспощадно и властно заявляет во всеуслышанье о своей противоположности обществу частной собственности». Энгельс перевел стихи Гейне на английский язык. Полвека спустя Герхарт Гауптман ввел собственную их версию в драму «Ткачи», посвященную силезской трагедии. В Германии пьесу сначала запретили, и впервые она была поставлена на сцене Свободного театра в Париже.

Однажды на спектакль пришел знаменитейший в ту пору французский поэт и шансонье Аристид Брюан. Он сопоставил немецкий оригинал с дюпоновской «Песней о шелке», со старыми куплетами Круа-Русс, и призрак старого Лиона возник перед ним. В 1899 году он отдал рукопись «Каню» в нотопечатню. Фольклорный рисунок был найден Брюаном столь верно, что песню сразу приняли за народную, откинув имя автора. Но постепенно это имя снова встало на титульном листе и уже не исчезало. Ведь всякую песню кто-то сочинил...

Два холма возвышаются над Лионом. На площадке собора Фурвьер в динамиках слышен голос церковного гида. За две минуты он добирается от Древней Галлии до Луи Филиппа и осторожно перешагивает через «неудобные» годы: «Здесь, в Нотр-Дам, паства преклоняла колена перед девицей Марией, которая уберегла лионцев от холеры в 1832 году, от цинги в 1838-м, от чумы в 1843-м...»

...Сапожник
Ньяфрон.

Закрытый туманом Круа-Русс, будто окутанный воспоминаниями, молчит...

Артем ГАЛЬПЕРИН
Фото автора

На шестой звуковой странице вы услышите песенку сапожника, которую пел кукольный Ньяфрон, голоса улиц Лиона, его старых мастеров, где на жаккардах еще ткem гобелены для музеев.

Назым ХИКМЕТ

Из последних стихов

ШАГАЕТ АРМИЯ ГОЛОДНЫХ

Шагает армия голодных.
Шагает, чтоб наестся хлеба,
наестся мяса,
книг,
свободы.

Шагает по мостам,
Что тоньше волоска острей меча.
Шагает взрывая стены крепостей
и руша железные врата.

Шагают окровавленные ноги
Шагает армия голодных
Ее шаги — небесный гром,
Песня — пламя.

На знамени ее — надежда,
Надежда всех надежд на знамени.
Шагает армия голодных,
Взвалив на плечи города,
Подвалы темные, улицы узкие,
Трубы фабричные,
Усталость бесконечную возвращенья
с работы.

Шагает армия голодных,
Влача с собой берлоги своих домов
И мертвецов,
Что умерли от безземелья
На бескрайней земле.
Шагает армия голодных.
Шагает, чтобы хлеба дать досье
тем, кто сидит без хлеба,
Чтобы освободить всех несвободных,
шагает армия голодных.
Шагают окровавленные ноги.

1962 год

ПРИВЕТ ТУРЕЦКОМУ РАБОЧЕМУ КЛАССУ

Привет турецкому рабочему классу!
Привет творцу!
Соли земли, зерну зерна — привет!
Все плоды растут только на твоих
ветках.

Все в твоих руках —
Грядущие дни, справедливые дни,
Прекрасные дни, великие дни,
Дни, когда днем не надрыываются,
А ночью не засыпают голодными.
Дни хлеба, роз и свободы.
Привет турецкому рабочему классу!
Привет тем, кто на площадях кричит
о нашей свободе.

По земле, книге, свободе.

По нашему знамени,
С его плененными полумесяцем
и звездой.

Привет нашему рабочему классу,
Который уничтожит врагов, —
Власть денег,
Темноту невежества
И ракету чужеземца.
Привет турецкому рабочему классу!
Привет творцу!

1962 год

Ты устала. Тебе со мной тяжело.
От гук моих тяжело.
От взглядов моих, от тени моей тяжело
Словами моими тебя, как пожаром, жгло
Колодками
тебя тяготили мои слова.
Настанет, неожиданно настанет день
И ты ощутишь, как тяжелы мои шаги,
мои удаляющиеся от тебя шаги,
И эта тяжесть будет тяжелее всех
для тебя.

31 мая 1962 года

ОБ УДИВЛЕНИИ

Любить еще могу.
Могу и еще как!
Хоть глаз, хоть сердце,
Что хочешь, требуй у меня.
Сердиться еще могу,
Хоть и не брызгая слезами.
Верблюды во гневе робок предо мной.
Хоть нату у меня верблужьей
всестительности.
Распознавать, что, как и почему,
еще могу

И чую запах
Далекого, неясного грядущего.
Бороться еще могу
За все, что кажется мне правильным,
прекрасным и справедливым.
За все, за всех!
Ни возраст,
Ни здравый смысл мне в этом не помеха.
Но удивляться больнее не могу.
Все дело в том, что удивление,
С его глазами, расширенными, юными,
Покинуло меня, ушло в даль.
А жаль!

1963 год

Переводы Б. Слуцкого

Игорь Кулцов,
Юра Дивильковский,
Габор Рааб,
Игорь Богушевский,
Гриша Родин —
выпускники
110-й школы.

ОГНЕННЫЙ ВЫПУСК

Я пришел на Кропоткинскую улицу, в
тот самый школьный двор, много лет
спустя после войны. Во дворе стоял памятник.
На нем — имена. Много имен.

Выпускники предвоенных лет. Мальчишки
и девочки. Те, что бегали в этом дворе.
Я слышал их далекие голоса, и мне
казалось, что я их знаю.

В молчании стоял я во дворе школы
№ 110 у Никитских ворот, читал фамилии
на другом памятнике. За каждой вставала
судьба человека, чья жизнь закончилась
юностью. Может, с кем-нибудь из них мы
сражались бок о бок? Ведь
никих знали только по именам, а у других
не успевали спросить даже имени.

Я был чуть постарше выпускников 41-го
года. И мы, так же как и они, не ведали
страха. Не ведали потому, что
еще не знали, что такое война...

Мне вспоминается юный солдат нашей
полковой батареи. Я не помню его фамилии,
а звали его Алик. Шел тяжелый бой,
Алику прострелили ноги. Осколки, видимо,
не задели кости. Он вскочил, заматался,
приговаривая: «Ой, что-то в ноги попало,
ой что-то в ноги попало»... Он не мог
понять, что же произошло с ним. Хлещет
кровь, а он кричит: «Ой, что-то в ноги
попало». Это был не страх, а скорее
чувство удивления. Он еще не испытал
жестокости войны, не понял ее грозного
смысла. Он слышал об этом, но не осознал
этого. Война ему еще представлялась
романтической. Он повзрослеет после
первого боя...

Эти мальчики и девочки уходили на
фронт, еще стыдясь слез своих матерей.
Помню глубокую осень второго военного
года. После тяжелого ранения я выпущен
из госпиталя на костылях. Плыл на пароходе
вверх по тихой, затемненной, осенней Волге.
Пароход пристал к маленькой пристани.
Какой-то волжский городишко, то ли
Сызрань, то ли Чебоксары, а может, Козьмодемьянск.
Было тем-

Сюда, в школьный двор, к памятнику, часто приходят люди. Им сегодня уже пятьдесят, выпускникам школы, вышедшим из ее стен в грозные годы. А те, не вернувшиеся, стоящие в бронзе, вечно молоды... О них на звуковой странице рассказывают физик И. Голямина, журналист О. Дзюбинская, инженер О. Шлыков, скульпторы Н. Богусевская и Д. Митлянский — их товарищи.

Документальная запись и фото В. Скорятина.

но, тихо. И вдруг послышался густой шум, будто с волжского откоса двинулась лавина. Я проковылял на палубу.

Вся пристань была запружена женщинами. А на палубу молча один за другим поднимаются новобранцы. И только толпа женщин гудит низкой нотой. И вот уже убран трап, и пароход, издав робкий гудок, должен бы оставить пристань. А он замер: женщины держали его руками, не отпускали. Сотни рук вцепились в борт парохода. Матросы, капитан охрипли от криков. Они бегали вдоль бортов и умоляли: «Бабы, уберите руки, ради бога!» Пароход, хотя и медленно, отваливал от дебаркадера, и вот уже тела женщин потянулись за ним с берега. Матросы стали силой отрывать вцепившихся в борта.

И как только пароход почувствовал свободу, над тихой Волгой раздался крик. Нет, не крик — вой! Этот вой долго летел нам вослед.

Они выглядели отнюдь не молодежато, эти мальчики, ступившие на палубу. Они еще не знали, что такое война. Они только ехали на войну...

Многие выпускники уходили добровольцами на фронты Великой Отечественной. Они считали, что должны быть там, где идет бой, где всего труднее. Иначе жизнь им казалась безправственной, бессмысленной. Чувство долга! Перед всеми: перед страной, перед самим собой.

Выпускники тех грозных лет выросли, обрели мужество не по дням, а по часам. Из маленьких сельских школ, из городских они уходили сдавать самый серьезный в своей жизни экзамен. Все они обещали вернуться, и многие вернулись в свои школьные дворы в бронзе, как вот эти пять солдат у Никитских ворот. Тысячи остались в памяти школьных товарищей. Строчками на мемориальных досках. Вечная им память.

Виктор РОЗОВ

ЗНАКОМСТВА

Этот ансамбль умеет будничное делать поэтичным и привычным, а необычное подавать скромно, просто. И в этой особенности ансамбля, истоки его сердечности, волнующей задушевности. Послушав в исполнении «Иверии» две-три песни, вдруг начинаешь испытывать непреодолимое желание запеть. Это происходит, вероятно, потому, что ансамбль не имеет редким даром веселой «заразительности». Многие его песни звучат, как проказы шаловливого человека. Будь то жанровая картинка «Чагуна» или шутильная песенка «Одиночество».

ГАМАРАЖОВА, ИВЕРИЯ!

...Нет, одному невесело поется.
Прошу я жизнь, чтоб друга мне дала.
Мне песня в одиночку не дается:
Мне для полета надо два крыла.

С. Чиковани

ГОСТИ МОСКВЫ

Лауреат Союзного фестиваля, фестивали песен в ФРГ, обладатель Золотого диска Каннского музыкального состязания Эмил Димитров привезжал в Москву в десятый раз.

Богдана Карадочева — второй раз, и мы взяли у нее второе интервью. Случилось так, что первая пластинка Богданы вышла в СССР, в журнале «Кругозор».

— За цифрой «одна» всегда стоит неожиданность, — говорит Богдана. — Счастливой она окажется или нет? Первый раз в жизни я села на реактивный «ТУ-104», чтобы лететь в Сочи. Сочинский фестиваль молодежной песни был для меня первым. Первая премия, — она смеется, — тоже была первой...

Словом, начало было положено удачное. Затем главный приз фестивали «Золотой Орфей». В 1971 году на югославском

заботные, дерзкие, насмешливые, они способны задеть любого, даже равнодушного к песне.

...1968 год. Отзвучала финальная песенка в концерте, участники ансамбля с новым названием «Иверия», поспав прощальный привет зрителям, скрылись за кулисами... И стало ясно: на эстраде появился еще один новый интересный коллектив.

Так вчеращие физики и инженеры, педагоги и переводчики, драматические артисты и студенты консерватории, чьи жизни, казалось, были уже предопределены кругом привычных забот и привязанностей, открыли вдруг новый, поющий мир, и с тех пор все другое отодвинулось, а может быть, и перестало существовать. Правда, говорят, что физик Вахтанг Татишвили до сих пор налаживает капризную музыкальную электроаппаратуру, актеры Лили Згваури и Зураб Цискаридзе учат своих коллег сценическому мастерству, переводчики Теймураз Циклаури и Тенгиз Чхеидзе следят за правильным произношением в английских и французских песнях, педагог Лунза Кобаладзе всыскательно оценивает каждый концерт и каждую репетицию, а ее коллега Нугзар Квашали изучает историю, используя гастрольные маршруты «Иверии». Но главное, все участники ансамбля — от музыкантов Александра Басилая, Амира Бочоришвили и Зураба Лалиашвили до инженера Джемала Багашвили — стали пленниками песни.

Робкого, неуверенного ученичества у иверийцев не было, хотя надо было постигать язык не только песни, но и танца, язык драматургии и конференса, одним словом, надо было становиться настоящими артистами.

Основой своего репертуара молодой ансамбль сразу же и безоговорочно избрал грузинские народные песни. Отсюда и название «Иверия» — так именовалась древняя земля грузин-картвелов. Но, чтобы вы не думали, что артисты сильны только в исполнении родных песен, мы предлагаем на звуковой странице и английскую мелодию, которую они привезли из гастрольной поездки. И это тоже голос «Иверии».

А. СИЛИКАШВИЛИ,

корреспондент радиостанции «Юность»

Новые записи ансамбля «Иверия», сделанные для «Кругозора», — на десятой звуковой странице: «Песня о Грузии» З. Кирвалидзе и А. Басилая; английская песня «Июльский дождь».

Фотоэлектронный музыкальный синтезатор АНС представляет собой большой интерес для композиторов. Он очень расширяет творческую фантазию и дает большой простор для творческой изобретательности.

Д. Д. Шостакович

Когда-то непреложной истиной физики были законы Ньютона, а в геометрии центральной фи урой был Евклид. Сегодня мы знаем, что система отсчета Ньютона — частный случай законов физики, а Лобачевский и Риман открыли новые формы пространства, в где-то маячит неведомое нам четвертое измерение...

Экспериментальная студия электронной музыки, которая находится на улице Вахтангова в Москве, сегодня создает новое «измерение», новую систему отсчета музыки. Традиционные каноны не отбрасываются, нет, они становятся частным случаем.

... Что это? Гул какого-то неизвестного нам двигателя? Космический ускоритель? Нас стремительно влечет в неведомое, и сама музыка кажется какой-то неземной, загадочной... Да и музыка ли это?

Музыка, но только электронная. И создают ее на синтезаторе — сложном электронном инструменте. Он назван АНСом в честь композитора Александра Николаевича Скрябина. Изобретатель АНСа — советский инженер Мурзин, основатель студии.

Как же здесь «делается» музыка? Она рисуется на черном непрозрачном стекле АНСа, а когда свет попадает в электронное устройство, рисунок... звучит.

Кадр из кинофильма «Солярис». Внизу — электронный синтезатор АНС.

В поисках музыки

Этот метод делает композитора безраздельным властелином и интерпретатором собственного сочинения.

Электронная музыка — это прежде всего новый способ извлечения звука. Если привычный, традиционный звук всегда одет в тембр определенного инструмента и в каждом случае индивидуален благодаря своей деревянной или медной одежде, то электронный звук — без всяких

одежд. Он берется в своей физической наготе, и синтезатор может одеть его во что угодно.

На синтезаторе воспроизводятся все виды традиционных звучаний — симфонический оркестр или струнное трио, орган и человеческий голос, наконец, шум дождя плос... Вот этот-то «плюс», то есть нечто такое, что невозможно сыграть ни на каком инструменте, нам известном, и составляет чудо открытия нового мира музыки.

Традиционная октава — 12 полутонов. Электронный синтезатор разбивает каждый полутоп еще на 6 ступеней — молекулы звука распались на атомы! И в октаве уже 72 звука. Звук развязал себе «руки» и стал бесконечно богат!

Поэтому электронная музыка — это и огромная новая акустическая, тембровая основа, первоткань Музыки.

В экспериментальной студии принимают посетителей. Правда, с некоторой осторожностью. Потому что уровень достигнутого еще далек от возможностей, которые новое искусство несет в своей глубинной сущности. А заманивать зрителя только новизной, экзотикой не входит в планы студии. Главное, чего добиваются экспериментаторы, — найти новые и усовершенствовать уже имеющиеся средства проникновения в структуру электронного звука, ибо язык электронной музыки ведет нас к новым, еще неизвестным берегам...

Наталья ОРЛОВА

На восьмой звуковой странице — музыка, созданная на электронном синтезаторе АНС. Комментирует руководитель экспериментальной студии М. С. Малков.

фестивале «Приз музыкальной Европы» Богдана Карадочева была удостоена звания второй певицы Европы.

— Когда вышла пластинка в «Кругозоре», мне было 18 лет. Конечно, прежде всего надо было найти свой репертуар, свою манеру пения, даже свой костюм. Я, например не сразу стала петь в длинном черном платье. Были и мини, и макси, и брюки. Но вот нашла свой репертуар — лирические песни,

и это определило выбор строгого, не отвлекающего внимания костюма... Что же еще сделала за эти шесть лет?..

Эмил Димитров подсказывает: — Пинешь для моих песен стихи.

Действительно, сейчас фирма грамзаписи «Балкантон» выпускает пластинки с песнями Димитрова на слова Богданы Карадочевой. Причем песни на этих дисках исполняет сам Эмил Димитров.

— Певцом, честно говоря, я не думал быть, — рассказывает Эмил. — И вообще в нашей семье не было музыкантов. Родители — иллюзионисты. Брат Юлиан пошел по их стопам. А я лет с семнадцати начал писать песни. Естественно, как композитору мне льстит, что мои песни исполняют популярные певцы во многих странах. Мне нравится, как их поют Иосиф Кобзон, Вело Орумets из ансамбля «Лайве». Сам я тоже пою собствен-

ные песни. Лучше это получается, чем у других? Не знаю. Когда провели конкурс на звание лучшего подражателя Чарли Чаплину, великий комик, приняв в нем участие, занял всего... шестое место.

П. ЕРМИШЕВ

На одиннадцатой звуковой странице болгарские певцы Богдана Карадочева и Эмил Димитров познакомят вас с песнями композиторов Ошанова и Шерена.

Приходит и в Поморье самая красивая пора, когда зароды завершены и луга покрыты серебристой отавой; когда убран хлеб и пахнут поля спелой землей; когда срублена капуста и в зеленых бросовых листьях копится прозрачная дождевая вода; когда выкопан картофель и вкусно засолились в бочонке маслянистые грузди... Это неповторимая пора конца сентября, и зовут ее в Поморье — обработным.

Значит, отработались, свою должность хлеборобческую на земле исполнили. И тогда начинают варить брагу, играть свадьбы и петь песни.

В субботу, когда матери стало лучше от болезни, Степушка засобирался в клуб, на танцы; пряча от смущения глаза, пригласил Любу-учительницу, а та охотно согласилась, сразу надела белое шерстяное платье с воланами, волосы не зачесывала, не укладывала волосок к волоску, а небрежно прихватила резиночками от аптечных банок в две волнистые косички, провела языком по пересохшим от волнения губам. Тени под глазами проступили гуще, румянец растаял, и глаза, опущенные длинными ресницами, словно кто-то подсветил изнутри.

Степушка в горнице долго примерял галстуки, хотел надеть черный с белой полоской, но тут не к месту вспомнилось, что в этом галстуке он ходил неудачно свататься к Милке, и забросил его в дальний угол шкафа, а надел широкий, в больших оранжевых цветах, нынче модный, привез приятель из Сочи. Пока возился с галстуками, Люба постучала в стенку, она сегодня почему-то застенчивалась зайти к Нечавым: представляла, как Прасковья Осиповна будет разглядывать ее ореховыми глазами и еще подумает невесть что.

А Степушка еще замешкался, в кухне у порога провел по ботинкам бархатной тряпкой, наводя глянец; мать отложила в сторону книгу и внимательно пригляделась к сыну. Белые твердые волосы сегодня обильно смочены водой и одеколоном и тщательно прилизаны набок, и это Параскеве не понравилось. Она подозвала Степушку к кровати жалобным голосом.

— Чего тебе? — отозвался смущенный Степушка, но к кровати подошел, и тут неожиданно мать приподнялась на подушках и твердой ладонью разлохматила волосы, с таким трудом и терпением зачесанные.

— Чего ты? — жалобно и ошалело спросил Степушка.

— Че-че, — передразнила Параскева. — Корова, что ли, голову-то зализала, будто повидлой облили!

— А ну тебя, — с досадой сказал Степушка, но зачесываться заново уже времени не было, его ждала Люба, схватил с вешалки пиджак и бросился к двери.

— Поздно не ходите, — еще донеслось сзади властным голосом. Низкие, басовитые нотки появились в Параскевином голосе, а значит, она выздоравливала.

Люба и Степушка разделились прямо на сцене, где стояли грудой коричневые скамейки с синими номерами. Несколько девчушек хихикали в углу, поочередно заглядывая в шелку занавеса. Люба надела черные лаковые туфли на гвоздиках и стала совсем недоступной для Степушки. Он не знал, куда девать свои тяжелые красные руки, вроде бы в карманах неудобно держать, глупо улыбался, отвернувшись взглядом в стену. Люба была совсем рядом, она одним ловким женственным движением поправила волосы и почему-то опять облизнула внезапно пересохшие от волнения маленькие губы и тоже в растерянности затопталась, не зная, как поступить, ведь пришла со Степушкой, а тот набычился, хоть бы слово сказал, но и одной идти в залу не совсем удобно.

Степушка хотел было бежать в противоположный угол, где в папиросном дыму толпились парни, но заиграл вальс... «Осенние листья шумят и шумят в саду, знакомой тропой я рядом с тобой иду...» И тут Люба потянула Степушку за рукав, а он все так же глупо улыбался и думал, спускаясь по лестнице в залу, хоть бы не упасть, вот позор будет. Но все сошло ладом, вот и шершавые половицы пола — скоро клуб на слом пойдет, — перед глазами присадистая печь, стайка ждущих девчат, независимые парни в сигаретном дыме, хохот стоит в том углу, наверное, его, Степушкины, кости обмывают... А совсем

Владимир ЛИЧУТИН
**ПЕРВЫЕ
ТАНЦЫ**

Из повести
«Обработно — время свадьбы»

рядом, если опустить глаза, черные волнистые косички с двумя резинками от аптечных банок, острые плечики в белом платье, которые хочется обнять, а под тяжелой ладонью теплая напряженная спина. Степушка вздыхает от волнения, ему жарко, пот стекает по спине и не впитывается в нейлон рубашки, от этого вдвойне неловко. Он наклоняется — сегодня от Любиных волос пахнет земляничкой.

А Люба не знала, как заговорить, и порой, взглядывая вверх, видела только сердитое Степушкино лицо и взъерошенные волосы. Люба поймала себя на мысли, что ей хочется эти волосы при ладить рукой, они, наверное, как солома, колочие.

Тут кончился вальс, и Степушка впервые изменил себе: он не пошел в дальний угол к парням, а остался около Любы, на самом виду, под всеобщим рассмотрением, но, правда, чуть-чуть отодвинулся в сторону, разглядывая плакат.

— Прасковье Осиповне вроде полегчало, — вдруг сказала Люба, думая о том, что вот хозяйка встанет с постели, и Степушку уже ничто не удержит в деревне.

— С неделю еще поживу, а там... — Степушка махнул рукой; лицо его повеселело, зеленые крапчатые глаза стали гуще. Глаза-то у Степушки повеселели, а душа вдруг тоскливо запыла, словно тронули за больную ниточку, тронули и не отпустили.

Весь вечер они больше не проронили ни слова и не разлучались; Степушке казалось, что он никогда так много и так хорошо не танцевал.

...А потом они ушли за деревню, легко и таинственно и будто невзначай касаясь ладонями, и от этих прикосновений было шемие сладостно. Небо очистилось от дождя, и даже немножко подмерзло, потому что опутимый сухой холод струился сверху, и многочисленные звезды, словно угли на остывающей жаровне, едва подергивались голубым теплом. Степушка часто и мелко дрожал, наверное, от холода, но руки в карманах почему-то потели: он хотел что-нибудь сказать, но только сопел и оглядывался назад, словно боялся, что за ними подсматривают.

За деревней, на лысом сухом бутре, было еще прохладнее. Здесь берега были положе, и ветер шел с реки. Деревня была у ног, вернее, она чувствовалась в том направлении, потому что вроде бы слышны были ее спокойные вздохи, сонное чмоканье и неясное бормотание: опутимым живым теплом несло из этой темноты, хотя избы совсем утонули в ночной заводе, и только редкие огни, словно играя с неведомым спутником, то зывали к себе, то путано гасли и опять загорались. Это верхний ветер слегка качал деревья и заслонял окна.

А Любе было страшно и интересно: таясь перед собой, она, однако, ждала Степушкиных признаний, а может, и поцелуев, но Степушка все молчал, и Любе казалось, что она безразлична парню, и только из вежливости и скуки он теряет время. Стараясь сохранить равнодушие, Люба сказала:

— Ну, мне пора... Завтра рано вставать.

Степушка сразу задрал рукав и стал в темноте всматриваться в часы, словно только и ждал этих слов.

Люба стала спускаться ближе к деревне, но было столь темно, что она оступилась, видно, камень попал под пятку, и Степушка неловко подхватил девушку, а руку отпустить позабыл.

И Люба свою руку не тревожила, и, как уловил Степушка, ее пальцы слабо и ответно свельнулись. Степушка повел Любу крайней тропинкой, по самому угору, и он сам не сказал бы после, как они очутились у Параскевиной бани. Они прижались к сухим шершавым бревнам, горьковатым березовым запахам доносило от неплотного окна, ветер здесь не доставал совсем; было слышно, как расходились с танцев парни, они что-то свистели и перекликались, и эти звуки отсюда казались смешными и тревожными. Словно кто-то опасный и неведомый разыскивал их, кружил и кружил рядом, нащупывая след, горячился и страдал, что не может отыскать, а они все это чувствовали и радовались своей безопасностью...

Рисунок
А. Гамбурга

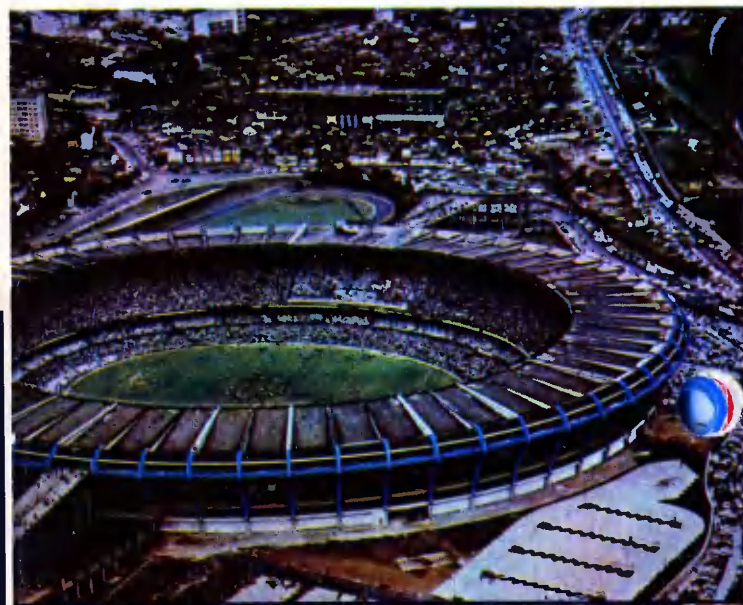

Игорь ФЕСУНЕНКО

ПЕЛЕ, ЖАИРЗИНЬО И ДРУГИЕ

СПОРТИВНАЯ
ДОБЛЕСТЬ

5

Если бы при ФИФА — Международной федерации футбольных ассоциаций — был учрежден отдел футбольных кадров и если бы чиновники этого ведомства пожелали заполнить анкеты национальной сборной Бразилии, то в графе «Год и место рождения» они проставили бы: 21 июня 1914 года, стадион «Флуминенсе» в Рио-де-Жанейро. В тот день только что созданная национальная команда Бразилии провела свой первый международный матч с английским клубом «Экстер-сити», выиграв со счетом 2:1. Во время еды пришел аппетит. И весьма внушительный: в последующих (до 1973 года) 399 матчах команда одержала 253 победы и только 77 встреч проиграла. Обычно спортсмены добиваются самых выдающихся результатов где-то между 25 — 30 годами. С бразильской командой получилось все наоборот: в расцвете сил, когда ей было 24 года, она выиграла третье место на чемпионате мира во Франции в 1938 году. В 36-летнем возрасте — на чемпионате мира в Бразилии (1950 год) — завоевала уже серебряные медали. И только после этого вступила в период творческого взлета: на 44-м, 48-м и 56-м годах своей жизни она трижды выигрывала мировые чемпионаты, завоевав в борьбе с куда более молодыми соперниками руку и сердце своенравной «Богини Nike». После этого, казалось бы, можно и отдохнуть? Увы... Вместо полученной бразильцами «Богини Nike» был учрежден новый приз — «Кубок мира», и поэтому в 1974 году, в те самые дни, когда бразильской сборной исполнится 60 лет, она намеревается вновь вступить в схватку за этот высший футбольный приз. За шестьдесят лет своего существования бразильская сборная прославилась на весь мир не только громкими победами, но и не менее впечатляющими манифестациями своих болельщиков, принимающих весьма близко к сердцу и успехи и неудачи любимой команды. В 1966 году я видел собственными глазами, как, слушая радиорепортаж из Ливерпуля о матче, проигранном португальцам на УШ чемпионате мира в Англии, некоторые бразильцы кидались от горя под автомашины. Никто не подсчитал, сколько самоубийств и инфарктов случилось в тот день. Но известно точно, что за 23 года существования стадиона «Маракана» на его трибунах погибло от переполнявших сердца эмоций двадцать «торседорес». Не случайно, очевидно, глагол «торсер» означает по-португальски сразу два понятия: а) «быть футбольным болельщиком», б) «свихнуться». Справедливости ради необходимо, конечно, отметить, что история «Мараканы» и бразиль-

«Маракана» — самый большой стадион планеты.

Сборная Бразилии — поборитель «Богини Nike».

ской сборной хранит факты и иного рода. 31 августа 1969 года на матче национальной команды с парагвайцами на трибуне «Маракань» некая фанатичная «торседора» умудрилась благополучно разрешиться от бремени, не отрывая восхищенного взгляда от футбольных кумиров. Если такое случается во время рядовых матчей, то стоит ли удивляться катаклизмам, потрясшим страну после завоевания «Богини Нике», которое было расценено бразильцами как выдающийся вклад в историю их цивилизации. Июнь — это месяц товарищеского матча в Москве национальной команды Бразилии со сборной СССР. До нынешнего года наши футболисты трижды встречались с бразильцами: в 1958 году мы проиграли им 0:2 на чемпионате мира в Швеции, а в 1965 году сыграли вничью 2:2 товарищеский матч на «Маракане». В «Лужниках» бразильцы побывали восемь лет назад: 4 июля 1965 года. И если говорить самокритично и объективно, то следует признать, что им тогда не понадобилось особенно напрягаться, чтобы выиграть со счетом 3:0. Что я еще могу сообщить вам об этой, бесспорно, самой выдающейся в истории футбола команде? Рассказать о том, как играет каждая из ее «звезд»? Но разве можно выразить словами силу и мощь пущенного удара Ривелино, который бразильцы называют «бомбой»? Разве можно передать веселое коварство неотомимого Пауло Сезаря, изящное мастерство Тостао, неудержимый напор и стремительный дриблинг Жаирзиньо? Нет, я не берусь за эту непосильную задачу!.. Взамен я хочу предоставить вам возможность познакомиться с бразильским футболом в его, так сказать, «колыбели» — на самой «Маракане». Пропуск на этот самый крупный стадион мира — пятая звуковая страница «Кругозора», которая куда более точно и наглядно, чем все мои объяснения, поможет вам представить, что означает глагол «торсер». Вы не верите? Сомневаетесь? Напрасно... Поставьте на проигрыватель голубой диск с надписью «Бразильский футбол», и вы услышите: двухсоттысячеголосый рев торсиды, записанный на трибуне «Маракань» во время футбольного матча; изнемогающих от эмоций спортивных комментаторов и много других любопытных сюрпризов, которыми так богата и славна родина непревзойденного «короля футбола» Пеле. Вы услышите голос самого Пеле и песенку «императора футбола» Жаирзиньо, в которой есть такие гордые слова: «За меня дают миллионы, пытаюсь меня купить. Зовут в другие команды и страны. Но я бразилец, я люблю свою страну. И я остаюсь здесь, в моей Бразилии...»

Пеле —
«король
футбола».
— Го-о-ол!

Торсида
команды
«Фламенго»
●
Жаирзиньо
поет и играет...
и только
играет.

Так называлась статья в февральском номере «Кругозора», где мы повели разговор о почте журнала. Теперь, четыре месяца спустя, мы снова обращаемся к нашей корреспонденции. Наиболее частые авторы писем в адрес «Кругозора» — школьники. И, вероятно, не случайно наших юных корреспондентов заинтересовала новая рубрика журнала — «Юноше, обдумывающему житье».

Вот одно из писем, присланное учащимся 329-й школы г. Ленинграда Владимиром Петровым: «Рассказы разных людей на звуковых страницах предстанут более объемными, чем в строках журнала, книг!» В записи передается настроение рассказчика, его радости и переживания. Я лично, заканчивает мысль Владимир, за такой деловой разговор.

Под рубрикой «Юноше, обдумывающему житье» журнал опубликовал монологи математика А. Д. Александрова «Ученый: профессия или призвание?» и токаря А. В. Чуева «Рабочий: исполнитель или творец?». В одном из следующих номеров в этой рубрике вас ждет встреча с хирургом Н. М. Аносовым. Нам интересно знать, какие еще проблемы вас волнуют, с людьми каких профессий вам хотелось бы встретиться на страницах «Кругозора».

Другая рубрика, которая вызвала наибольшее количество писем, — музыкальная: «По просьбам читателей».

Очень многие письма сводятся к перечислению любимых песен, иногда на 2 — 3 страницы. Разумеется, такие заявки ре-

6 (111) июнь 1973 г.
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

слушайте

в

номере

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ 1973

На первой странице
обложки:
«В мире профессий.
Животноводы».
Рисунок художника
В. Семенова

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, 113326
Пятницкая, 25

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
27 IV/1973 г.
Б 05114. Подп. к печ.
16/V 1973 г. Формат
60х84 1/12.
Усл. п.л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 544. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП. ул. «Правды», 24.

1. **Рядом с Лениным.** Вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич.
2. **«Как у вас погода в Ленинграде?»** Песня-репортаж Бориса Вахнюка о рабочей дружбе.
3. **Выпускники 41-го года.** О тех, кто ушел на фронт со школьной скамьи.
4. **Работая над Маяковским.** Рассказывает народный артист РСФСР Эраст Гарин.
5. **Футбольные страсти.** Репортаж с бразильского стадиона «Маракана»; форвард Жаирзиньо — дебютант эстрады.
6. **«Мы — ткачи».** Песни лионского пролетариата.
7. **Поет Антонина Нежданова.**
8. **Электронная музыка** (из кинофильма «Солярис» и другие произведения).
9. По просьбам читателей: **«Мой адрес — Советский Союз», «Экипаж — одна семья».**
10. **Ансамбль «Иверия»:** грузинская и английская песни.
11. Гости Москвы из Болгарии: **Богдана Карадочева и Эмил Димитров.**
12. **Ансамбль Джеймса Ласта (ФРГ):** популярные мелодии.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

вы нам писали...

дакция не имеет возможности выполнить. Под рубрикой «По просьбам читателей» мы публикуем лишь те музыкальные произведения, которые, собрав наиболее обширную почту, имеют общественный интерес и отвечают хорошему вкусу. Так, были опубликованы песня композитора В. Баснера на стихи М. Матусовского «Березовый сок», мелодии французского композитора Ф. Ле с предисловием Н. Богословского, песни из кинофильма «Женщины и берсальеры», музыка из индийских кинофильмов со статьей поэта Е. Винокурова.

Учитывая многочисленные заявки читателей на музыку Индии, мы будем продолжать публиковать ее в последующих наших выпусках.

В редакцию приходят письма и с такими просьбами: выслать пленку с записью песен, адреса ансамблей, тексты песен и фотографии певцов и т. д. Выполнить эти просьбы редакции затруднительно.

Много писем приходит по вопросу подписки на «Кругозор». Журнал распространяется только в розницу и только «Союзпечатью». Редакция журналы не высылает. Поэтому, если вам не удалось приобрести тот или иной выпуск, советуем обращаться за помощью в областные отделения «Союзпечати» или в отдел неперIODических изданий по адресу: г. Москва, Ново-Хорошевское шоссе, 4.

Итак, до новых встреч!

Марина НАТАЛИЧ, корреспондент отдела писем

СЛОВО О НЕЖДАНОВОЙ

Я всегда испытываю чувство внутренней нестореженности, когда мы называем три-четыре фамилии, говоря о явлении в опере. Справедливо ли это? И да и нет. Если бы не было совершенно исключительных блистательных предшественников, которые звучали на сцене Большого театра, не могла бы сразу засиять и Нежданова. Отчего? Да оттого, что закон преемственности в вокальном искусстве особо ценен — по книгам мудрецов научиться петь невозможно.

В день 100-летия со дня рождения Антонины Васильевны Неждановой мы благодарно называем ее имя, радуясь, что имели возможность работать рядом с ней. В Москве есть улица Неждановой, в Одессе консерватория носит ее имя, есть мемориальная доска на месте дома, в котором она родилась. Есть творческий кабинет Неждановой в бывшей ее квартире. Есть труды Богданова-Березовского о ней... И все же мне думается, что, если бы при жизни ей все это перечислили, при всем человеческом тщеславии — «жажду славы» — она улыбнулась бы и сказала: «Нет, этого не может быть».

В то же время она отчетливо сознавала свое значение. Ее имя стояло первым, когда называли корифеев русской оперы самого приближенного к нам времени, потом шли имена Собинова и Шаляпина.

Однажды в торжественной обстановке я обратился к А. В. Неждановой со словами: «Вы — наш камертон». Это верно и в понимании интонационном — музыкальном — и в житейском. Антонина Васильевна была замечательным музыкантом и певичей, а также обаятельным человеком.

...Она пела Татьяну в «Онегине». Никиш дирижировал. Всю сцену письма Антонины Васильевны проводила у стола. В оркестре тогда играл профессор В. Л. Кубацкий, недавно ушедший из жизни. Он был свидетелем восхищения музыкантов, в зрительном зале плакали... Следует задуматься над этим се-

годня, когда нередко акцент в опере делается на внешней стороне, а не на главном — на пении.

Помню наши концертные выступления в Ленинграде, в Большом зале филармонии: первое отделение — Нежданова, второе отделение — мое. Аккомпанирует Голованов. Потом — дуэты. Все трое волнуемся. Я пел такие простые бетховенские вещи, как «Сурок», «Смерть», но пел выше, чем они написаны. И Голованов, великолепный пианист, выходя на сцену, все же волновался так, что испещрил ноты пометками. Я обращаюсь к Антоне Васильевне: «А вам-то что волноваться, Антонина Васильевна?» Она: «Мне-то и надо волноваться, я должна оправдать ожидание аудитории»...

Антонина Васильевна могла быть суровой, не любить ту или иную постановку, того или иного артиста, отдельную спетую фразу, но искренне радовалась удаче товарищей.

Однажды мы пели дуэт Чайковского «Ромео и Джульетта» в Большом театре.

МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

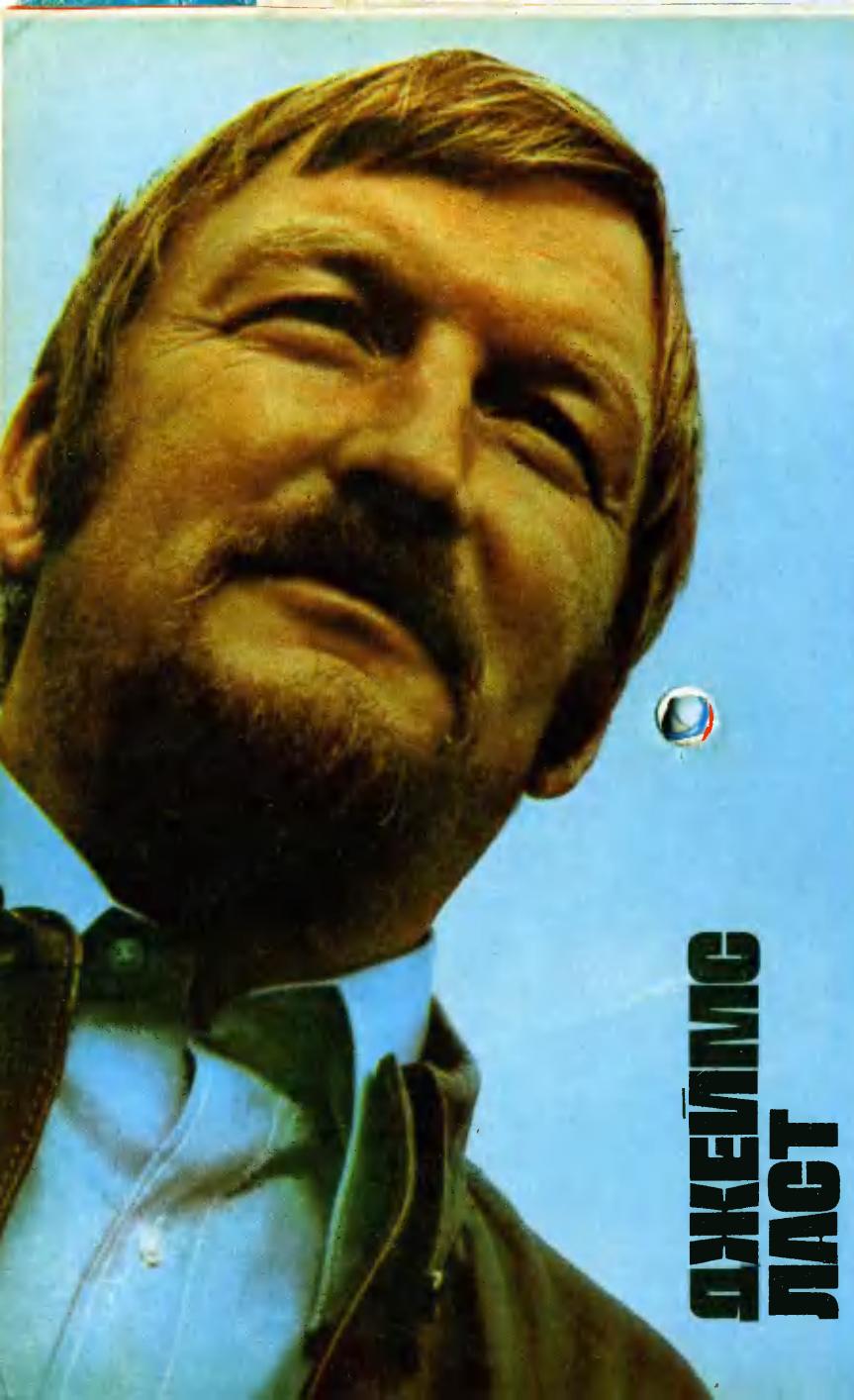
Антонина Васильевна — Джульетта, я — Ромео, Голованов — дирижер. Помню плачущих от восторга в конце концерта Бориса Красина, Е. К. Малиновскую. Прошел определенный промежуток времени. В Колонном зале Антонина Васильевна сидит в ложе на почетном месте. Мы с Е. В. Шумской снова поем этот дуэт. И с какой доброжелательностью Антонина Васильевна слушала, как она сердечно аплодировала! И тут нас как волной подбросило. Прыгнув со сцены в партер и подойдя к ложе, я вручил Антоне Васильевне цветы, которыми одалири участников концерта.

В 1902 году, когда Нежданова уже пела «Травиату», мне было два года от роду. И вот мы с ней в «Травиате» вместе на сцене Большого театра. Второй акт. По старой традиции Виолетта, прощаясь с Альфредом, бросается к нему в объятия. Я был Альфредом и, видимо, в то время очень сублимной внешности. Она пела в платье отдаленной эпохи, в фижмах, что делало ее пышной, а я — в теннисном костюме. Мы запели: «Ах, сердце мне отдавший раз, не измени мне», — она бросается ко мне, и... смех в зрительном зале. И тут она прошептала: «Над кем смеетесь!» Это был ее юбилейный спектакль.

Но пела она, как скрипка Страдивари. Я был партнером многих Виолетт, обаятельных, обольстительных, забыть которых невозможно, но забыть звучание — а это главное в опере — Виолетты — Неждановой нельзя. Оно-то и было камертоном и остается им сегодня.

И. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР

На седьмой звуковой странице — записи А. В. Неждановой разных лет. «Что мне жить и тужить» Верламова, «При луне» Сerrано, аккомпанирует Н. С. Голованов. Дуэт Эльзы и Лозенриха из четвертого действия оперы Вагнера «Лозенгрих» исполняют А. В. Нежданова и Л. В. Собинов.

ДЖЕЙМС ЛАСТ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Ф Р Г

12

Мелодии из репертуара оркестра Джеймса Ласта звучат и на стадионе, во время футбольного матча, и на школьном вечере, и в фойе кинотеатра...

Чем же объяснить такой успех никому не известного еще пять лет тому назад коллектива? Конечно, талантом Ласта-аранжировщика, создавшего музыку отдыха, музыку «хорошего настроения». Он нашел оригинальное звучание оркестра, основанное на сочетании медных духовых, ритм-секции и вокальной группы. Но, чтобы прийти ко всему этому, ему потребовалось двадцать лет работы, поисков, успехов и разочарований.

Кем же он был раньше?

Год рождения — 1929, место рождения — город Бремен. Музыкальная школа, потом увлечение джазом. Собственный джаз-секстет. Первые пластинки (правда, маленькими тиражами), слава лучшего джазового контрабасиста ФРГ (правда, в узком кругу знатоков)... В 1955 году он покидает Бремен, чтобы начать работу в оркестре радио Гамбурга. На сей раз уже в качестве аранжировщика. Десять лет кропотливого труда, десять лет работы в роли безвестного сотрудника известных авторов. Наконец, необходимый опыт накоплен. Но лишь в 1968 году Ласт смог пробиться в первые ряды — его оркестр объявлен «оркестром года»!

Оркестр Ласта был создан первоначально как «студийный» и только после успеха стал выступать «в живом звучании», на концертной эстраде. Следуя распространенной поговорке: «У кого лучшая аппаратура, тот и играет лучше!» — Ласт использует усиительную технику мощностью в 25 тысяч ватт, причем провода, соединяющие микрофоны, имеют общую длину в 3 500 метров! Для того, чтобы добиться наилучшего стереобаланса, была сконструирована особая эстрада. «Ластовское звучание» на концертах создается с помощью микшера опытного звукорежиссера.

Все это могли не только слышать, но и видеть также и советские любители легкой музыки — ансамбль Ласта гастролировал в нашей стране весной 1972 года.

Арк. ПЕТРОВ

Цена 1 руб.